
МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 16

DOI: 10.31249/scis/2023.04.06

Розин В.М.*

КРИЗИС ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ВЫЗОВЫ «ФЬЮЧЕКУЛЬТУРЫ», ЗАДАЧА ОБНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ¹

Rozin V.M.

THE CRISIS OF TECHNOGENIC CIVILIZATION, THE CHALLENGES OF “FUTURE CULTURE”, THE TASK OF UPDATING THE PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY

Аннотация. В статье рассматривается концепция техногенной цивилизации, намеченная академиком В.С. Стёпиным. Анализируются условия ее мыслимости: исторический проект Ф. Бэкона по овладению процессами природы и проект перестройки человека, ориентация социальных институтов на реализацию этого проекта, особенности реализации, негативные последствия, связанные с подобной реализацией. Выход, по Стёпину, состоит не в отказе

---

* © Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, Москва, Россия, rozinvm@gmail. com, ORCID: 0000–0002–4025–2734

Rozin Vadim Markovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ch. Researcher, IFRAN, Moscow, Russia, rozinvm@gmail. com, ORCID: 0000–0002–4025–2734

¹Статья написана на основе доклада автора «Техногенная цивилизация: исторические предпосылки, кризис, проблема возрождения», прочитанного в ИНИОН РАН 26 мая на круглом столе «Философия и социология техники и технологий в современном мире» (к 76-летию со дня рождения д-ра филос. наук, проф. В.Г. Горохова).

от научно-технического прогресса, а в придании ему гуманистического измерения, плюс дальнейшее развитие социогуманитарных наук и философии, а также разумное и рациональное управление. Автор формулирует концепцию, отличающуюся от высказанной. С его точки зрения, на смену культуре модерна приходит новая культура, которую он называет «фьючекультурой». В рамках фьючекультуры будет формироваться и своя специфическая, культуросообразная техника. Кратко характеризуется замысел подобной культуры и задачи, которые, возможно, придется решать в ходе ее становления. Показывается анализ трендов современности; в настоящее время существенно изменились социальность и понимание техники, в связи с чем формулируется задача нового старта философии техники. В этом контексте, вероятно, будет трансформироваться и техногенная цивилизация.

Ключевые слова: техногенная цивилизация; культура; проекты; реализация; техника; технология; кризис; модерн; наука; деятельность.

Abstract. The article deals with the concept of technogenic civilization outlined by academician V.S. Stepin. The conditions of its conceivability are analyzed: the historical project of F. Bacon of mastering the processes of nature and the project of human restructuring, the orientation of social institutions towards the implementation of this project, the features of implementation, the negative consequences associated with such an implementation. The way out, according to Stepin, is not to abandon scientific and technological progress, but to give it a humanistic dimension, plus the further development of the socio-humanitarian sciences and philosophy, as well as reasonable and rational management. The author formulates a concept that differs from the one expressed. From his point of view, the culture of modernity is being replaced by a new culture, which he calls “future culture”. Within the future culture, its own specific, culture-like technique will also be formed. The idea of such a culture and the tasks that may have to be solved in the course of its formation are briefly characterized. An analysis of the trends of our time shows that sociality and understanding of technology have changed significantly at present, in connection with which the task of a new start in the philosophy of technology is formu-

lated. In this context, technogenic civilization will probably also be transformed.

Keywords: technogenic civilization; culture; projects; implementation; technique; technology; crisis; modern; science; activity.

Введение

Как известно, концепция техногенной цивилизации была сформулирована академиком В.С. Стёпиным. Выделение определенной цивилизации, на мой взгляд, предполагает сопоставление и противопоставление ее другим цивилизациям (аналогично и для понятия культуры – обычно исследуемую культуру сопоставляют с другими); выделение инвариантов, а не историческое рассмотрение, как в случае изучения культуры; истолкование в логике рациональности, в то время как культуру мы характеризуем в модальности «культга» (например, по Н. Бердяеву, «Культура родилась из культа. Истоки ее – сакральны» [Бердяев, 1990, с. 248]). Стёпин сопоставляет техногенную цивилизацию с традиционными культурами и культурой Востока, видит ее инвариантные особенности в развитии европейской демократии, проекте овладения первой природой, идеях научно-технического развития и прогресса, считает, что кризис техногенной цивилизации может быть преодолен на путях сознательных преобразований и гуманизации.

«Техногенная цивилизация, – пишет Стёпин, – начала разбег в XVII–XVIII столетиях, в эпоху подготовки и развертывания первой промышленной революции, становления науки нового времени, ранних буржуазных революций, закрепляющих господство капиталистических отношений. Но ее предпосылки закладывались развитием европейской культуры намного раньше. Основными вехами ее предыстории были опыт демократии античного полиса и становление в его культуре спектра различных философских систем и первых образцов теоретической науки, а затем сформировавшаяся в эпоху европейского Средневековья христианская традиция с ее представлениями о человеческой индивидуальности, концепцией морали и пониманием человеческого разума как созданного по образу и подобию божественного и поэтому способного к рациональному постижению смысла бытия... Человек понимался в качестве силы, противостоящей природе, вторгающейся

в ее процессы, преобразующей объекты природы в необходимые для себя предметные формы. Природа воспринималась в этой системе ценностей как поле приложения человеческой силы, как своего рода неисчерпаемая кладовая, из которой можно брать любые материалы и средства... Деятельность человека обеспечивает ему господство над Природой, и условием этого господства являются объективные знания, которые должен получить человеческий разум, беспристрастно исследующий вещи. А поскольку объективное и беспристрастное исследование имманентно присуще науке, ей явно отдавался приоритет среди всех других видов познавательной деятельности человека... Под знаком этих идей техногенная цивилизация прошла стадию индустриального развития и социальные революции XIX–XX столетий. Возникшие в ходе этого процесса различные социальные системы, несмотря на полярность многих мировоззренческих установок, сохраняли в шкале своих фундаментальных ориентаций веру в ценность научно-технического прогресса и в ценность науки как основы управления социальными процессами. Эти ценности не подвергались сомнению до последней трети XX столетия, пока техногенная цивилизация не столкнулась с глобальными проблемами, порожденными предшествующим научно-техническим развитием... Выход состоит не в отказе от научно-технического прогресса, а в придании ему гуманистического измерения» [Стёпин, 1989, с. 4–5, 7, 8, 9].

Марксистский андеграунд Стёпина обусловил его убеждение в возможности социально-инженерного действия, которое позволит оптимизировать и направить в нужном (в том числе безопасном) направлении научно-технический процесс. Необходимые условия этого – развитие постнеклассической науки и представление техногенной цивилизации в логике и онтологии саморазвивающихся систем с синергетическими эффектами.

Эти идеи Вячеслава Семеновича обсуждали, в том числе, Виталий Горохов и ваш покорный слуга (мы все более чем дружили, когда Стёпина назначили директором Института философии; он пригласил Горохова на работу в институт с целью создания сектора «философии техники», а Виталий позвал в сектор меня). Горохов, в отличие от Стёпина, был далек от марксизма, критически относился к научно-техническому прогрессу, понимал ограниченность возможностей социальной инженерии, не склонен был

оперировать глобальными понятиями типа «цивилизация», мыслил скорее локальными представлениями истории, культуры, деятельности.

Моя позиция близка к гороховской, но все же иная. Считаю, что прежде чем давать какие-либо рекомендации или делать прогнозы, нужно лучше понять природу рассматриваемого явления, в данном случае техногенной цивилизации. А этот орешек очень твердый. Тем не менее расскажу, к каким результатам я пришел, изучая развитие техники, новоевропейской культуры и социальности модерна (государства, технологии и экономики).

Две предпосылки становления техногенной цивилизации

Одной из них выступал проект овладения природой и нового смысла жизни, сформулированный Френсисом Бэконом, а другой предпосылкой – проект перестройки человека; причем и тот, и другой стали возможными при смене средневекового христианского мировоззрения на рациональное, новоевропейское. К XIV–XV вв. средневековый проект завершается, поскольку, в основном с помощью церкви, европейский человек приобщился к христианству, второе пришествие Христа было отодвинуто в неопределенное будущее, Бог стал все больше рассматриваться как причина создания мира и природы, а человек все больше начинает жить земными заботами. Бэкон выдвигает новый проект, дававший человеку новый смысл жизни: нужно овладеть природой, исследовав ее законы, природа обеспечит благосостояние, но необходимое условие этого – создание естествознания и инженерии, основанных на них промышленности, изменение сознания людей. При этом природа в проекте Бэкона понимается как в логике научной рациональности, так и образно, подобно колонии, которую надо захватить и использовать как ресурс [Розин, 2017, с. 161–163].

«Здание этого нашего Мира, – пишет Бэкон, – и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобию вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы <...> Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная от первых восприятий чувств <...>

но, прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное употребление человеческого духа и разума <...> путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только справедливое и законное принижение человеческого духа» [Бэкон, 1971, с. 68–69].

Обратим внимание на последнее предложение; судя по нему, Бэкон подобно некоторым реформаторам того времени, считает, что необходимое условие овладения природой – предварительная перестройка человека (духа, сознания). О том же пишет, полемизируя со мной, прекрасный философ и методолог Вадим Беляев. «Здесь нужно обратить внимание на роль проекта покорения природы... Это не проект сам по себе... С точки зрения теории интеркультуры (это оригинальная теория модерна Беляева. – *В.Р.*) “покорение природы” – это часть покорения человека... Теологический тип мышления ищет такие сущности, таким способом, что они могут быть очевидными и доступными только для посвященных. Это дает двойное противостояние: между “посвященными” и “непосвященными”, и между “посвященными в одно” и “посвященными в другое”... Если мы ставим перед собой задачу снятия противопоставлений обоих типов, то надо искать такой тип мышления и сосуществования, который даст “одно посвящение на всех”, и в отношении разных культур, и в отношении слоев одного общества. Природа выступит при этом реальностью, через концентрирование вокруг которой можно объединить человечество. Природа в этом варианте играет двойную роль. Это и “природа в человеке” – т.е. то, что едино во всех людях. Это и природа вне человека. Это две ипостаси новоевропейского понятия “природа”» [Беляев, 2013, с. 15–16, 17–18, 21, 89–90].

Беляев прав, говоря, что проект овладения природой можно рассмотреть как условие реализации проекта «покорения» человека. Но, на мой взгляд, ошибается, сводя функции проекта овладения природой только к указанному антропологическому условию. Проект овладения природой был самостоятельным проектом, разрабатываемым начиная с эпохи Возрождения. Бэкон воспользовался им, истолковывая этот проект не только как условие покорения человека, но и в целях формулирования нового смысла жизни культуры. В отличие от проекта овладения природой, проект перестройки человека, причем как индивидуального, так и коллективно-

го, на мой взгляд, нужно считать самостоятельным и рассматривать как вторую предпосылку становления техногенной цивилизации.

Правда, программа индивидуальной перестройки человека была заявлена еще в эпоху Возрождения в трактате «Речь о достоинстве человека» Пико делла Мирандола. В нем утверждалось, что Бог поставил человека в центр мира (где раньше стоял Он сам), и тот по собственному желанию может стать тем, кем захочет, но лучше, конечно, херувимом, и условием этого преобразования выступает познание. «Но ведь, – пишет Мирандола, – если необходимо строить нашу жизнь по образцу херувимов, то нужно видеть, как они живут и что делают... они очищаются, затем наполняются светом и, наконец, достигают совершенства, как передает Дионисий. Так и мы, подражая на земле жизни херувимов, подавляя наукой о морали порыв страстей и рассеивая спорами тьму разума, очищаем душу, смывая грязь невежества и пороков, чтобы страсти не бушевали необдуманно и не безумствовал иногда бесстыдный разум. Тогда мы наполним очищенную и хорошо приведенную в порядок душу светом естественной философии, чтобы затем совершенствовать ее познанием божественных вещей» [Мирандола, 1962, с. 509].

Программа перестройки коллективного поведения относится к более позднему времени построения новоевропейского государства. Известно, что Гоббс и Локк предложили две разные концепции государства. «Целью Гоббса, как и Бодена, – пишет Мартин Кревельд, – было восстановление порядка путем наделения полномочиями могущественного суверена, атрибуты которого Гоббс позаимствовал почти без изменений из знаменитого сочинения своего предшественника. Но Гоббс отличался от Бодена тем, что в качестве образца взял не Аристотеля, а Галилея, с которым он встретился во время своих путешествий по Европе и которым искренне восхищался... стремление избавиться от “нематериальных тел” и “изменчивых” влияний, кроме тех, что доступны объективному восприятию, вынудило Гоббса отойти от двух столпов теории Бодена: божественного закона и естественного права. Доведя позитивизм до предела, почти не достигавшегося ни до, ни после него, Гоббс считал право чем-то таким, что существует исключительно *в пределах* государства и создается им; в естественном состоянии, когда еще не существует организованных сообществ,

“договоры, не подкрепленные мечом, являются пустыми словами”... Как и Макиавелли, Гоббс считал, что человек по природе своей зол... Пытаясь обуздать человеческую натуру, Гоббс и предложил своего суверена. Однако вскоре стало ясно, что такой суверен будет настолько могуществен, что будет представлять такую же или даже большую опасность для своих подданных, чем они представляли друг для друга» [Кревельд, 2006, с. 143–144].

Подход Локка был противоположным: его не столько волновала проблема порядка в государстве, сколько ограничение абсолютной власти правителей. «Чего необходимо избегать любой ценой – так это *абсолютной* (что не раз подчеркивается в оригинале) власти. Правительство должно основываться на согласии: оно не должно быть установлено раз и навсегда, как у Гоббса, напротив, его позицию необходимо периодически подтверждать посредством выборов... Еще один способ предотвращения роста абсолютизма состоял в том, чтобы поделить власть суверена между законодательной, исполнительной, а также “федеративной” (ответственной за ведение войн и международную политику) властью, – идея, которая витала в воздухе в то время и на которую оказала большое влияние политическая система Англии того времени... Не вызвала у него сомнений и разница между гражданским обществом и государством. Локк провозгласил: первое не только предшествует второму, но в действительности государство было создано гражданским обществом, чтобы защитить себя как от нарушения внутреннего мира, так и от внешних вторжений» [там же, с. 145]. Монтескье завершает эти новации, добавив к законодательной и исполнительной власти судебную, а также придав праву искусственный характер. «Как это было уже у Гоббса, – отмечает Кревельд, – теперь закон, плохой или хороший, представлял собой просто предписание, которое было утверждено государством и зафиксировано должным образом в письменном виде» [там же, с. 147]. Таким образом, перестройка человека (в плане коллективного поведения) вылилась в построение государства и других институтов, а также новоевропейского права.

В обоих случаях трансформация человека обеспечивалась новым мироощущением (мировоззрением), пришедшим на смену религиозной средневековой картине мира. При этом, как показывает Беляев, происходит грандиозный поворот – реальность Бога и

неба уходят на второй план, а на первый выдвигается земная реальность и человек с его делами. «Интегральным результатом Реформации, – пишет Беляев, – должна стать плюрализация смыслового универсума и перенаправление человеческой активности на земную реальность... “Закрытый” антропологический универсум (религиозный, католический. – *В.Р.*) превращается в “открытый”. <...> Какими фундаментальными характеристиками должно будет обладать новое общество? Если реформаторский пафос был задан во многом отрицанием многочисленных опосредований между земным и небесным, если эти опосредования поглощали множество человеческих усилий, то результатом реформации должно быть очищение социокультурного пространства от этих артефактов. Активность, которая была до этого направлена на артефактоопосредования, должна быть перенаправлена на земную реальность. Должно произойти существенное “приземление” культуры» [Беляев, 2015, с. 99, 133].

Процесс реализации обоих проектов как условие формирования техногенной цивилизации

В книге Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» намечена своеобразная дорожная карта реализации обоих указанных здесь проектов, которая и должна была приводить к цивилизации, получившей в наше время название техногенной. Интересно, что она, по замыслу ее творцов, позволяла сделать человека не только довольным своим благосостоянием, но и «могущественным» (Бэкон: «Пусть человеческий род только овладеет своим правом на природу, которая назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество» [Бэкон, 1971, с. 193]) и «счастливым» (Фред Бон).

«“Прогресс наук, – пишет Кондорсэ, – обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к более деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода”. С прогрессом наук Кондорсэ связывает увеличение массы продуктов, уменьшение сырьевых и материальных затрат при выпуске продуктов промышленности, уменьшение доли тяже-

лого труда, повышение целесообразности и рациональности потребления, рост народонаселения и в конечном итоге устранение вредных воздействий работ, привычек и климата, удлинение продолжительности человеческой жизни... В последней главе, посвященной десятой эпохе, Кондорсе намечает основные линии будущего прогресса человеческого разума и основанного на нем прогресса в социальной жизни человека: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, социального равенства между людьми, наконец, действительное совершенствование человека» [Огурцов, 1993, с. 149, 151–152].

«Фред Бон в 1898 году, – читаем у Горохова, – издал свое концептуально-аналитическое исследование “О долге и добре”, из названия которого было бы трудно установить его связь с нашей темой, если бы слова “философия техники” не были бы вынесены в заголовок одной из глав этой книги... Очень интересно, чем Фред Бон завершает свое исследование. Восходя по пути обобщений, Бон находит, что вся совокупность технических мероприятий имеет целью удовлетворять потребности человека. Потребность ставит известную цель; но если мы внимательно всмотримся в дело, то увидим, что одна цель является лишь средством к достижению другой цели. Восходя по этому ряду превращения целей в средства к достижению целей высших, мы доходим до положения, что все наши дела устремляются в одну конечную точку, а эта цель всех целей есть счастье. И таким образом, высшею технической целью является достижение счастья, и все вопросы – “что я должен делать, чтобы...?” сбегаются в один вопрос: “что я должен делать, чтобы быть счастливым?”» [Горохов, 1997, с. 26].

Поворот социальных институтов на поддержку техногенной цивилизации

Техногенная цивилизация, возможно, никогда бы не сложилась, если бы основные социальные институты модерна (государство, экономика, образование, суд, армия, СМИ и др.) не сориентировались и не специализировались на обслуживании процессов реализации рассмотренных здесь проектов. Указанная ориентация и специализация обсуждается, например, Виталием Рачковым в

теме «технократический дискурс». В рамках технократического дискурса, показывает он, технически истолковываются все основные сферы человеческой деятельности: наука, инженерия, проектирование, производство, образование, институт власти.

Наука понимается как непосредственная производительная сила, позволяющая овладеть природой. Инженерия и проектирование предназначены для создания инженерных и технических проектов и продуктов. Образование это институт, призванный готовить специалистов, которые затем будут включаться в производство. Производство – ничто иное, как техника и технические системы. Власть – институт, основная роль которого поддерживать техническое развитие. В свою очередь, власть, отмечает Рачков, «приписывает технике необычайные качества, несущие человеку только блага: преодоление кризисов и застоя, устранение всех проблем и трудностей, наступление эры всеобщего благосостояния, изобилия, счастья и свободы. Государство обнаруживает легитимную связь с наукой-техникой, всячески способствуя научно-техническому прогрессу... государство действует как акселератор движения науки-техники, рассчитывая на положительные последствия экономического развития и умножения своих собственных сил» [Рачков, 1991, с. 101–102].

В характеристику технократического дискурса техники Рачков включает также особенности технически ориентированного сознания человека. В идеологическом плане такое сознание утверждает себя на основе идей прогресса и нормализации (стандартизации всего); для технически ориентированного сознания характерна установка на непрерывный рост, а также ускорение; наконец, такое сознание блокирует все формы мысли, угрожающие существованию технической реальности [там же, с. 201–205].

Если поглядеть на новоевропейскую технику с точки зрения модальности «искусственное», то перед нами деятельность (ученых, инженеров, пользователей), которые замышляют технику, реализуют замышленное, эксплуатируют технику. Но если сменить модальность, взяв категорию «естественное» (или «естественно-искусственное»), то можно понять технику и человека иначе (М. Хайдеггер, Х. Сколимовски, Б. Кудрин). Техника тогда выступает как форма социальной жизни, а человек как техника. Действительно, в лице инженера и технолога техника приобретает

сознание, борется за социальную территорию и ресурсы, замышляется, создается, снимается с производства или использования, участвует в конкуренции и т.п. (сравни с широко распространенными сегодня идеями техноценоза). Поддержанная социальными институтами, техника становится «социальным телом» человека. Он движется со скоростью автомобиля или самолета, его способности определяются техническими средствами (память – компьютером, длительность светового дня – электрическим освещением и прочее), технические сети (канализация, электричество, мобильная связь и т.д.) составляют его продолжение. Можно пойти и дальше, рассмотрев симбиоз техники и человека. Антропологическим телом техники выступает человек (инженер, технолог, пользователь) при условии, что он сам становится техникой (Хайдеггер). Одним из социальных тел человека выступает техника, которая превращается в форму социальной жизни.

Может быть, все не так плохо, и технократический дискурс, как и любой другой, выполняет свое культурное назначение? Однако, вслед за рядом других философов техники, Рачков оценивает его не просто как негативный, но «тиранический» и «террористический». Подобная жесткая оценка, по мнению Рачкова, оправдана тем, что технократический дискурс поддерживает и ускоряет процесс и события, ведущие нашу цивилизацию прямо к катастрофе. Развитие современной техники, считает В. Рачков, порождает лавинообразные неконтролируемые негативные последствия, погружает человека в мир иллюзий и абсурда, делает нашу цивилизацию хрупкой и незащищенной. А вот итоговая оценка Рачковым конечной точки развития техногенной цивилизации:

«Чем дальше продвигается в своем развитии наука и техника, тем больше усугубляется рискованная ситуация и увеличивается вероятность общечеловеческой катастрофы... Сегодня самое время, чтобы человек перестал удовлетворяться несвязными результатами научных исследований. Если об этом не задумываться заранее, то, как только процесс однажды вырвется из-под контроля, так сразу же пойдет очень быстро до самого конца» [там же, с. 95, 171].

Рачков старается показать принципиальную двойственность технического прогресса. С одной стороны, развитие техники и технологии позволяет человеку решать широкий круг проблем и задач,

обеспечивает благосостояние населения, является основанием, на котором стоит вся наша цивилизация. С другой – технический прогресс приводит к росту непредвиденных негативных последствий, которые невозможно ни прогнозировать, ни контролировать.

Рачкову кажется, что технократический дискурс сложился и работает автономно, сам по себе, но, на мой взгляд, это не так. За ним стоят европейская традиция и история, рассмотренные выше два проекта и обеспечивающая их картина мира, основные социальные институты модерна. Поэтому так трудно в настоящее время переломить сложившуюся тенденцию цивилизационного развития. Давно понятны многочисленные угрозы техногенной цивилизации, много и предложений по изменению ситуации, однако воз и ныне там. Беляев, похоже, даже считает, что человечество создало такую реальность (модерн), из которой принципиально невозможно выйти.

Причины кризиса техногенной цивилизации

Может возникнуть вопрос, а почему так все сложилось? Здесь много причин. Во-первых, рано или поздно, но каждая цивилизация как живой социальный организм завершается и уступает место на земле следующей цивилизации. Во-вторых, реализация цивилизационных проектов далека от совершенства потому, что она совершается усилиями многих людей и сообществ, но также и потому, что несовершенны сами проекты (не учтены многие факторы, дефицит нужных знаний, не ясны многие способы реализации проектных построений и др.). В-третьих, существует сопротивление реализации со стороны социальных групп, выдвигающих другие проекты и предложения по изменению социальной реальности. В-четвертых, реализация проектных предложений приводит к изменению социальных ситуаций и условий, появляются новые возможности, позволяющие действовать уже иначе (например, использовать построенные социальные институты не по назначению).

«Государство, – пишет Кревельд, – бывшее с середины XVII в. самым значимым и характерным институтом в современном мире, переживает упадок. Повсеместно – от Западной Европы до Африки – многие существующие государства вольно или не-

вольно либо объединяются в более крупные союзы, либо распадаются. Независимо от того, распадаются они или объединяются, уже сейчас многие их функции перехватываются различными организациями, которые, какой бы ни была их природа, определенно не являются государствами <...> Об отступлении государства не стоит жалеть, но и завтрашний мир не будет много лучше или хуже того, который на наших глазах отходит в мир теней. Мао Цзедун, которого однажды спросили о том, на что будет похоже будущее, ответил характерными стихами:

Солнце по-прежнему будет всходить,
деревья по-прежнему будут расти,
а женщины
по-прежнему будут рожать детей»

[Кревельд, 2006, с. 3, 335–336].

Вызовы фьючекультуры и задача обновления философии техники

Мы живем в процессе двойного перехода: завершается модерн (но не техногенная цивилизация), устанавливается фьючекультура. Пока черты будущей культуры еще не ясны, поскольку они не сложились, но налицо тренды цивилизационного развития, позволяющие высказать некоторые предположения о возможном будущем. К числу этих трендов относится и пересмотр представлений о социальности и технике. Сложившаяся в конце XIX – начале XX столетия философия техники исходила из социальности своего времени и понимания техники в основном как орудий, механизмов, машин и технической среды. В настоящее время изменилось и то, и другое.

Складывается «планетарная социальность». На это указывают процессы глобализации, быстрое формирование мировой экономики, взрывное развитие и экспансия на новые территории технологий, широкое распространение Интернета и мобильной связи, становление «метакультур» (Общий рынок, США и его союзники, Китай и его сателлиты, другие международные союзы), образование гибридных форм социальности (капиталистический рынок и частная собственность, а также социалистически ориентированное управление и распределение) и ряд других процессов. На плане-

тарную социальность указывает и постепенно осознаваемая угроза существованию жизни на земле, обусловленная в том числе и кризисом техногенной цивилизации.

Иначе понимается и техника. Во-первых, все больше разводятся техника и технология, причем последняя выходит на первый план и понимается не как вид инженерии, а форма организации производственной деятельности, на которую существенно влияют социокультурные и политические факторы. Во-вторых, постепенно приходит понимание, что большинство современных проблем возникли в результате активности самого человека, значительную часть которой образует именно технология. Если закономерности инженерной деятельности и творчества более-менее изучены, то относительно технологии этого сказать нельзя. В-третьих, приходится согласиться с мнением, что техника и технология практически не поддаются управлению, и поэтому требуется какое-то другое решение. В-четвертых, к технике и технологии в настоящее время относятся и техническая среда, и Интернет, и «техноприрода», и частично человек с домашними животными (человек, как пишет Хайдеггер в статье «Вопрос о технике», тоже стал «поставом»).

Не означает ли сказанное, что существующая сегодня философия техники уже не соответствует времени и его вызовам? Видимо, стоит задача, учитывая новую социальную реальность и сложившееся понимание техники, начать новый цикл обсуждения техники и технологии. Современные культурологические и социологические исследования позволяют сделать вывод, что смысловой проект модерна завершен, породив как культуру, в которой мы живем, так и новую социальную реальность, уже не укладывающуюся в проект модерна, чреватую многочисленными проблемами, вплоть до угрозы существованию человечества. Усугубляет эту ситуацию вера в то, что основные принципы модерна правильные, и поэтому нужно продолжать воплощать их в жизнь. С нашей же точки зрения, одна из задач, если иметь в виду формирование нового смыслового проекта, это показать, что проект модерна завешен, и что он породил постевропейскую цивилизацию, для которой характерны сложные, трудно разрешимые проблемы.

Если же говорить о новом смысловом проекте, то в первую очередь напрашивается задача «спасения нашей цивилизации»,

что предполагает постепенное изменение характера развития, ценностей и представлений. Не овладение природой, сильное государство и власть, не комфорт и развлечения, не получение преимуществ над другими, а уверенность в сохранении жизни на земле, понимание того, что происходит, в том числе необходимости ограничений в отношении ряда собственных фундаментальных желаний и целей, культивирование ценностей здоровой жизни, любви, помощи другим, противостояние злу и эгоизму.

Заключение

Если подобный или сходный с ним проект будет принят большинством стран и его начнут реализовывать (что вовсе неочевидно, хотя рано или поздно, пройдя ряд серьезных техногенных катастроф, человек все же будет вынужден встать на этот путь), то придется решать огромное число новых проблем и задач, в том числе создавать и новую технику (и технологию). Какая она будет, покажет будущее, но предварительно можно высказать несколько соображений. Явно роль инженерии еще больше отойдет на второй план, поскольку главные проблемы будут лежать не в плоскости овладения первой природой (к тому же она все больше замещается «техноприродой» [Розин, 2016, с. 128–129]), а в осмысленной и рациональной организации собственной деятельности человека. Последнее обязательно повлечет за собой и кардинальное изменение жизни человека на Земле. Можно даже предположить с большой степенью вероятности, что начнется становление новой культуры (посткультуры). В результате еще больше усилится роль технологии в широком понимании [там же, с. 116–127].

Тип развития и характер техники будут зависеть также от решения человечества, направить ли значительные усилия на обеспечение космической безопасности (освоение пространства солнечной системы, защита от случайных астероидов, изменений климата, катастрофических извержений вулканов, истощения земных ресурсов, угрожающих жизни трансформаций магнитного поля земли, поддержание биосферы и прочее) или же не тратить силы и ресурсы, поскольку эффект от этих усилий незначителен или просматривается только в очень отдаленной перспективе.

И таких кардинальных выборов и решений придется принимать немало, в том числе – как быть с растущим населением Планеты? Но альтернатива здесь простая: или продолжение жизни, пусть более скромной, со многими разумными ограничениями, или своего рода конец света (войны, одичание и гибель техногенной цивилизации).

Список литературы

- Беляев В.А.* Введение в теорию интеркультуры. – Саарбрюкен : LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 240 с.
- Беляев В.А.* Конструируем модерн: посткультурный и интеркультурный аспекты. Проектно-системный подход. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 400 с.
- Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – Москва : ИМА-пресс, 1990. – 285 с.
- Бэкон Ф.* Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения : в двух томах. – Москва : Мысль, 1971. – Т. 1. – 590 с.
- Бэкон Ф.* Новый органон. – Ленинград : ОГИЗ – соцэкиз, 1935. – 384 с.
- Горохов В.Г.* Философствующие инженеры и первые философы техники // Философия техники: история и современность. – Москва : ИФРАН, 1997. – С. 11–29.
- Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. – Москва : ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
- Огурцов А.П.* Философия науки эпохи Просвещения. – Москва : ИФ РАН, 1993. – 213 с.
- Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. – Москва, 1962. – Т. 1. – С. 506–514.
- Рачков В.П.* Техника и ее роль в судьбах человечества. – Свердловск : Упринформпечать, 1991. – 328 с.
- Розин В.М.* Природа: понятие и этапы развития в европейской культуре. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 240 с.
- Розин В.М.* Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. – Йошкар-Ола : Поволжский государственный технологический университет, 2016. – 280 с.
- Стёпин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

References

- Bacon F. New organon. – L.: OGI3 – Sotsekiz, 1935. – 384 p. (In Russ.)

*Кризис техногенной цивилизации, вызовы «фьючекультуры»,
задача обновления философии техники*

- Bacon F. The Great Recovery of Sciences // Bacon F. Works in two volumes. T. 1. – M.: Thought, 1971. – 590 p. (In Russ.)
- Belyaev V.A. Introduction to the theory of intercultural. LAP Lambert Academic Publishing – Constructing Modern: Postcultural and Intercultural Aspects. Project-system approach. – M.: LENAND, 2015. – 400 p. (In Russ.)
- Berdyayev N.A. Philosophy of inequality. – M.: IMA-press, 1990. – 285 p. (In Russ.)
- Creveld M. Rise and fall of the state. – M.: IRISEN, 2006. – 544 p. (In Russ.)
- Gorokhov V.G. Philosophical engineers and the first philosophers of technology // Philosophy of technology: history and modernity. – M.: IFRAN. 1997. – Pp. 11–29. (In Russ.)
- Ogurtsov A.P. Philosophy of Science in the Age of Enlightenment. IP RAS. – M., 1993. – 213 p. (In Russ.)
- Pico della Mirandola J. Speech about the dignity of man // History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought, vol. I. – M., 1962. – Pp. 506–514. (In Russ.)
- Rachkov V.P. Technology and its role in the fate of mankind. – Sverdlovsk: Uprinformpechat, 1991. – 328 p. (In Russ.)
- Rozin V.M. Nature: The concept and stages of development in European culture. – M.: LENAND, 2017. – 240 p. (In Russ.)
- Rozin V.M. Technique and technology: from stone tools to the Internet and robots. Yoshkar-Ola, Volga State Technological University, 2016. – 280 p. (In Russ.)
- Stepin V.S. Scientific knowledge and values of technogenic civilization // Questions of Philosophy. 1989. N 10. – Pp. 3–18. (In Russ.)